

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА ПЛЕХ

кандидат исторических наук, научный сотрудник центра
«История России XIX – начала XX вв.»Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки «Институт российской истории Российской академии
наук»

(Москва, Российская Федерация)

plekh@mail.ru

СОСТАВ ЧИНОВНИЧЕСТВА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Рассматриваются проблемы кадрового обеспечения местных учреждений Олонецкой губернии в первой половине XIX века. На материалах систематического учета чиновничества (формулярные списки) проанализирован состав служащих по сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Представленная характеристика позволила проиллюстрировать кадровые проблемы, с которыми столкнулась губерния в этот период, и результаты предпринимаемых правительством мер, направленных на их решение, а полученные статистические данные отразили особенности правительственного курса в области формирования социальной базы олонечкой бюрократии. Установлено, что в изучаемый период добиться укомплектования местных учреждений за счет внутренних ресурсов губернии не представлялось возможным, и аппарат управления Олонецкой губернии состоял наполовину из приезжих лиц. Назначение на должности служащих из других регионов, введение преимуществ по службе, разрешение принимать в канцелярское звание людей из податного состояния – все это влияло на состав бюрократии. Анализ сословного происхождения служащих выявил высокий удельный вес представителей дворянства, потомственных гражданских служащих и лиц из податных состояний. Показатели по возрастному составу первой четверти XIX века отражают кадровый голод и крайне медленное пополнение местных учреждений молодыми кадрами, а второй – наоборот, приток служащих из других губерний и постепенное омоложение, завершившееся в середине века «сменой поколений» служащих. Данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки. Несмотря на то что предпринимаемые правительством меры, связывавшие уровень образования с чинопроизводством, повышали заинтересованность будущих чиновников в получении аттестатов учебных заведений, однако и к середине века большинство служащих являлись лицами с начальным или домашним образованием.

Ключевые слова: кадровый состав, чиновничество, местное управление, гражданская служба, формулярные списки, сословное происхождение, возрастной состав, уровень образования, Олонецкая губерния

Для цитирования: Плех О. А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке наблюдается неугасающий интерес к истории бюрократии Российской империи. В отдельное направление исследований выделилось изучение провинциального чиновника, социокультурный облик которого в значительной степени отличался от столичных типажей и во многом зависел от специфики региона, с которым была связана его служебная деятельность [5], [7], [8], [10], [15]¹. При всей многочисленности имеющихся публикаций проблемы кадрового обеспечения местных учреждений Европейского Севера России в первой половине XIX века остаются практически неразработанными [1], [4], [14]², а чиновничество Олонецкой

губернии в указанных хронологических рамках еще не становилось предметом научного анализа. Между тем материалы по этой губернии представляются весьма ценными для изучения системы государственного управления Российской империи, поскольку, с одной стороны, это был регион с ярко выраженной спецификой, требовавшей учета при регулировании кадрового состава (речь идет о северной слабозаселенной территории, в сословном составе населения которой преобладали государственные крестьяне, дворянство было представлено незначительно, а в этническом – был высок процент инородцев), а с другой – в первой половине XIX века, когда государству приходилось комплектовать про-

винциальный аппарат управления в условиях дефицита квалифицированных кадров, местные учреждения Олонецкой губернии функционировали в условиях острого недостатка чиновников и, особенно, канцелярских служащих, и речь идет не о нехватке профессиональных управленцев, а о фактическом отсутствии желающих нести службу в суровом северном крае.

Итак, в центре внимания настоящей статьи – служащие Олонецкой губернии первой половины XIX века: их состав по сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Документальная основа исследования – материалы систематического учета чиновничества: групповые формулярные списки, сохранившиеся в фонде 1349 Российского государственного исторического архива (далее – РГИА)³. Историки, занимающиеся разработкой проблем кадрового обеспечения, активно обращаются к этим источникам, однако представленные в данной статье материалы по составу олонечких чиновников еще не вводились в научный оборот.

***

В ходе настоящего исследования проанализированы материалы групповых формулярных списков за 1803, 1826, 1844 и 1850 годы⁴. Выбор хронологических срезов обусловлен следующим. Документы, датированные 1803 годом, – это самый ранний групповой формулярный список, сформированный по результатам укомплектования местных учреждений на момент восстановления губернии⁵. Он включает не только чиновников, но и канцелярских служащих, что для данного источника является большой редкостью. По документам за 1826 год можно судить о результатах кадровой политики правительства Александра I, а за 1850-й – Николая I, однако и тот и другой списки содержат информацию только о чиновниках. В связи с этим еще проана-

лизированы списки за 1844 год, которые, так же как и материалы 1803 года, включают полный состав служащих (и чиновников, и нечиновников). Информация из указанных источников была систематизирована в электронной базе данных, что позволило получить статистические показатели по составу служащих⁶.

В табл. 1 представлено сословное происхождение служащих Олонецкой губернии. Полученные показатели весьма любопытны. Их объяснение требует учета многих факторов, определявших социальную базу комплектования олонечкой бюрократии. Напомним, что для верховной власти предпочтительным источником пополнения кадров провинциального аппарата управления являлись дворянство и потомственные служащие («обер-офицерские» дети и дети канцелярских служащих). Если эти сословные группы среди населения губернии были малочисленны и не обеспечивали требуемого притока кадров, то государство направляло на канцелярскую службу «излишних» детей священно- и церковнослужителей, для которых обучение грамоте являлось обязательным. Однако в изучаемой губернии состав населения был таков, что за счет внутренних ресурсов добиться желаемого кадрового обеспечения не представлялось возможным: в 1780-е годы из 230 тыс. человек, населявших губернию, потомственных дворян насчитывалось 238, или 0,1 %, разночинцев – 1739 (0,8 %), духовенства – 449 (0,2 %)⁷; в 1850-е годы из 287 тыс. человек – 1204 (0,4 %), 6108 (2,1 %), 4083 (1,4 %) соответственно⁸. Иными словами, показатели по сословному происхождению служащих связаны не только с составом населения. Немаловажную роль играло то, что в олонечких учреждениях была высока доля приезжих: удельный вес уроженцев губернии в 1803 году составлял 56,0 %, в 1826 – 44,8 %, в 1844 – 51,0 %, в 1850 – 41,8 %.

Таблица 1. Сословное происхождение служащих Олонецкой губернии
Table 1. Estate origins of civil servants in Olonets province

Год	Дворянство		Дети «обер-офицеров»		Духовенство		Дети приказных служащих		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1803	66	24,8	53	19,9	40	15,0	39	14,7	68	25,6	266	100
1826	29	27,6	37	35,2	12	11,4	5	4,8	22	21,0	105	100
1844	141	29,9	163	34,6	42	8,9	28	6,0	97	20,6	471	100
1850	152	37,3	136	33,4	39	9,6	10	2,5	70	17,2	407	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (дети «обер-офицеров»); 3) дети канцелярских, или приказных, служащих; 4) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 5) прочие социальные группы, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служащих гражданского, военного, почтового, горнозаводского и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Итак, представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода довольно высоким был удельный вес потомственных дворян: в начале века он равнялся 24,8 %, а к середине достиг 37,3 %⁹. Как уже стало понятно, эту динамику не следует связывать с численностью «благородного» сословия в Олонецкой губернии, которая и в абсолютном, и в относительном измерении была более чем скромной. Отметим, что несмотря на это в первое десятилетие XIX века в губернии даже проводились дворянские выборы (до 1811 года¹⁰), но на представительство сословия в составе служащих этот фактор значительного влияния не оказывал. Так, в 1803 году по результатам выборов были заполнены 30 должностей, но из них только 19 детьми потомственных дворян, а остальные выходцами из других сословий, приобретшими потомственные права на государственной службе. Во-вторых, удельный вес потомственных гражданских служащих (то есть детей чиновников, или «обер-офицерских детей», и детей приказных служителей) варьировался от 34,6 до 40,6 %, что также следует рассматривать как высокие показатели¹¹. Подчеркнем, что на материалах Олонецкой губернии прослеживается общая для состава местной бюрократии тенденция, обусловленная изменениями в системе чиновничества: постепенное увеличение доли «обер-офицерских детей» (с 19,9 до 33,4 %) и уменьшение детей приказных служителей (с 14,7 до 2,5 %). В-третьих, представительство духовенства в составе олонечких служащих выглядит небольшим (по сравнению с другими губерниями, как северными, так и центральными¹²) и на протяжении первой половины XIX века сокращается с 15,0 до 9,6 %. В-четвертых, внушительными представляются показатели в графе «прочие» табл. 1 (с 17,2 до 25,6 %), куда отнесены в большинстве своем лица из податных состояний, а также такая характерная для горнозаводского района категория населения, как дети мастеровых и заводских рабочих, как положенных, так и неположенных в подушный оклад (в 1803 году их доля в общем составе служащих достигала 7,5 %, в 1826 – 1,9 %, в 1844 – 3,2 %, в 1850 году – 2,2 %).

При характеристике полученных данных и наблюдаемой динамики следует, конечно, учитывать предпринимаемые правительством меры, направленные на устранение кадрового голода, который испытывали местные учреждения Олонецкой губернии. На протяжении всего изучаемого периода государство направляло сюда чиновников из центральных учреждений и других губерний, в том числе и специалистов – врачей,

землемеров и архитекторов (нехватка этих служащих, в особенности врачей, ощущалась повсеместно; лишь к 1840-м годам удалось наладить их профессиональную подготовку, позволявшую закрывать вакансии даже в отдаленных губерниях¹³). С 1816 года должности полицмейстеров и городничих замещались «отставными за ранами» офицерами по определению Александровского комитета о раненых¹⁴. Среди них, с одной стороны, были потомственные дворяне, а с другой – представители разных сословий, в том числе податных (крестьян, мещан, солдат, иностранцев), кому удалось на военном поприще выслужить классные чины. Кроме того, на определенные должности (квартальные надзиратели, тюремные смотрители, реже – канцелярские служащие) назначались вышедшие в отставку по выслуге лет военные нижние чины (в основном рекруты из крестьян и мещан). Довольно специфичной выглядела практика определения к должностям лиц, сосланных в губернию под надзор полиции: одних «за праздную и нетрезвую жизнь»¹⁵, других – по прикосновенности к политическим делам, в том числе поляков¹⁶. Конечно, далеко не всем удавалось добиться такой привилегии, находясь в ссылке. Во многом это становилось возможным благодаря покровительству губернаторов. Всего в 1844 году таковых насчитывалось 6 человек (все дворяне)¹⁷, в 1850 – 5 (3 дворянина, 1 сын протоиерея и 1 сын подьячего)¹⁸.

Проблема заполнения канцелярских мест, почти повсеместно проявившаяся еще в ходе губернской реформы 1775 года, вынуждала государство допускать на службу выходцев из податных сословий [11: 103–105]. Не была исключением и Олонецкая губерния, где эта проблема ощущалась особенно остро. Как убедительно доказывает Л. Ф. Писарькова, в первой четверти XIX века правительство хотя и предпринимало попытки ограничить доступ на гражданскую службу представителям податных сословий, однако вынуждено было допускать исключения из общих правил [11: 139–149], а в 1826 году олонечким учреждениям официально разрешили «принимать в канцелярское звание людей податного состояния»¹⁹.

С 1838 года на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов (лица, выпущенные в звании младших писцов, обязаны были прослужить не менее 10 лет, старших – 8), а в 1840-е годы – еще и Александровского воспитательного заведения для бедных дворян Рязанской

губернии²⁰. По групповым формулярным спискам за 1844 год насчитывалось 34 воспитанника, за 1850-й – 23. С точностью определить сословную принадлежность многих из этих лиц невозможно, поскольку в большинстве случаев в графе формулярного списка «из какого звания происходит» указывалось – «из воспитанников»²¹ (в табл. 1 такие служащие отнесены в графу «прочие»). Известно, что в отделения для подготовки писцов принимались «неимущие сироты всех состояний, кроме помещичьих крестьян»²².

Особую роль в привлечении кадров сыграли указы, устанавливавшие льготы для лиц, желавших отправиться на службу в Олонецкую губернию [12: 131–142]. Для верховной власти это были вынужденные меры, и первоначально они рассматривались исключительно как временные. Так, 31 октября 1828 года было издано особое постановление «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей»²³, а указом от 30 марта 1832 года подтверждены и расширены нормы о поощрении служащих²⁴. В 1835 году изучаемая губерния лишилась привилегий²⁵, но уже через несколько лет государство было вынуждено признать необходимость введения служебных преимуществ на постоянной основе, что нашло закрепление сначала в указе от 29 апреля 1839 года²⁶, а затем – от 9 июня 1842 года²⁷.

Принятие этих законов привело к осязаемому притоку служащих, изменившему не только численность, но и состав олонечской бюрократии. Выявленные в ходе настоящего исследования групповые формулярные списки позволяют представить некоторые данные относительно служащих, воспользовавшихся льготами. Так, по групповым формулярным спискам за 1844 год на службе состояло не менее 104 человек (то есть 22,1 % от всех учтенных лиц), которые воспользовались льготами в соответствии с обозначенными указами, – из них 40 являлись потомственными дворянами (38,5 %), 35 «обер-офицерскими» детьми (33,6 %), 11 выходцами из духовенства (10,6 %), 8 детьми канцелярских служителей (7,7 %), 10 относились к прочим социальным группам (9,6 %) ²⁸. В групповых формулярных списках за 1850 год численность таких лиц составляла уже 127 человек (или 31,2 %): 67 потомственных дворян (52,8 %), 36 «обер-офицерских» детей (28,3 %), 13 представителей духовенства (10,2 %), 2 детей приказных служителей (1,6 %) и 9 выходцев из прочих категорий населения (7,1 %) ²⁹.

Отметим также, что в 1840-е годы денежные пособия и преимущества по службе полагались

и лицам, направляемым от Александровского комитета о раненых³⁰, и специалистам³¹, определяемым в губернию по назначению правительства (что увеличило число желающих отправиться в «отдаленные края» среди этих категорий служащих).

В табл. 2 и 3 представлен возрастной состав служащих Олонецкой губернии. Как уже упоминалось, канцелярские служители включены только в групповые формулярные списки за 1803 и 1844 годы. Поэтому, чтобы избежать искажения показателей и привести сопоставимые данные, эти категории служащих разделены: в табл. 2 помещены сведения по чиновникам, в табл. 3 – по канцелярским служителям.

Из табл. 2 следует, что в начале XIX века 26,8 % чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 39,5 % – от 31 до 40, 16,5 % – от 41 до 50, средний возраст равнялся 38 годам; в 1826 году эти показатели составили 25,0 %, 27,9 %, 20,2 % и 42 года соответственно³². Во многих губерниях в начале XIX века основная масса чиновников являлась лицами, поступившими на службу во время открытия присутственных мест в ходе губернской реформы 1775 года; на протяжении первой четверти XIX века происходило постепенное омоложение состава и к 1826 году произошла «смена поколений», когда абсолютное большинство относилось уже к лицам не старше 40 лет³³. В Олонецкой губернии эти процессы не были ярко выраженными, скорее, наблюдалась иная тенденция, что следует связывать с кадровыми проблемами и нехваткой служащих. Во второй четверти XIX века, когда правительству удалось добиться стабильного притока чиновников из других регионов, динамика возрастного состава олонечских чиновников выровнялась: в 1844 году 24,3 % чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 33,1 % – от 31 до 40, 25,3 % – от 41 до 50, средний возраст равнялся 39 годам; в 1850 году эти показатели составили – 44,8 %, 23,9 %, 20,4 % и 35 лет соответственно. Отметим, что к середине века происходило омоложение состава чиновничества. И это связано не только с пополнением местного аппарата управления молодыми людьми. Для многих губерний это была общая тенденция: в начале 1850-х годов наблюдалась вторая волна «смены поколений» служащих³⁴.

В литературе неоднократно подчеркивалось, что канцелярские служители – это в основном либо молодые люди, либо те, кто не так давно поступил на службу и еще не успел выслужить первый чин [2: 602–603], [11: 202]. Что, конечно, неоспоримо, поскольку в первой половине

XIX века система чиновпроизводства эволюционировала в направлении регулярного повышения в чинах в соответствии с определенной выслугой лет, соответственно, получение первого чина и вместе с ним переход в разряд чиновничества для служащего становились делом времени. Однако послужные списки канцелярских служащих среди архивных материалов встречаются нечасто, а документы, предоставляющие возможность оценить состав этой категории служащих по основной массе учреждений, вообще большая редкость.

Таблица 2. Возрастной состав чиновников Олонецкой губернии

Table 2. Age structure of officials in Olonetsk province

Возрастная категория	1803 год		1826 год		1844 год		1850 год	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 20 лет	2	1,3	0	0,0	3	1,1	1	0,3
21–30 лет	42	26,8	26	25,0	66	24,3	178	44,8
31–40 лет	62	39,5	29	27,9	90	33,1	95	23,9
41–50 лет	26	16,5	21	20,2	69	25,3	81	20,4
51–60 лет	17	10,8	15	14,4	32	11,8	30	7,6
Старше 60 лет	8	5,1	13	12,5	12	4,4	12	3,0
Всего	157	100,0	104	100,0	272	100,0	397	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Таблица 3. Возрастной состав канцелярских служащих Олонецкой губернии

Table 3. Age structure of office clerks in Olonetsk province

Возрастная категория	1803 год		1844 год	
	чел.	%	чел.	%
До 15 лет	43	41,3	0	0,0
16–20 лет	26	25,0	45	23,1
21–30 лет	25	24,1	139	71,3
Старше 30 лет	10	9,6	11	5,6
Всего	104	100,0	195	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.

Данные, представленные в табл. 3, позволяют не только увидеть возрастной состав, но и сравнить показатели за 1803 и 1844 годы. Так, в 1803 году наблюдается высокий удельный вес лиц, не достигших 16-летнего возраста (41,3 %), а в 1844 году таковых вовсе не имелось. Это в первую очередь связано с тем, что в первой четверти XIX века на службе не существовало возрастных ограничений. Только в 1827 году появился указ, гласивший: «...не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к одному гражданскому ведомству»³⁵, а действительная служба стала исчисляться с 16 лет. В связи с

этим если в 1803 году среди олонечских служащих наиболее молодые были в возрасте 9–10 лет, то в 1844 году – 16 лет. Однако, как свидетельствуют послужные списки, многие служащие и в середине века начинали карьерный путь с 14 лет, но в материалы учета включались сведения только о лицах, состоявших на действительной службе. Отметим также, что в 1844 году велика доля лиц в возрасте от 21 до 30 лет (71,3 %). Это связано с принятием указа от 25 июня 1834 года³⁶, установившего прямую зависимость скорости приобретения чинов от уровня образования (лица, поступавшие на службу с аттестатами средних и высших учебных заведений, как правило, были старше 20 лет).

Следует обратить внимание и на «великовозрастных» канцелярских служащих. В 1803 году четверо были старше 40 лет, причем самый зрелый был в возрасте 63 лет³⁷. Они не были судимы, на государственную службу поступили еще в XVIII веке (и к 1803 году уже обладали значительным опытом), имели положительные аттестации («к продолжению службы способен и к повышению чина достоин»). Установить причины их длительного пребывания в канцелярском звании, основываясь только на послужных списках, не представляется возможным. Сделаем лишь некоторые предположения. Несмотря на то что «выслуга лет стала главным условием движения по чиновной лестнице» еще в 1760 году [11: 110], в последующие десятилетия правила чиновпроизводства неоднократно корректировались и дополнялись [11: 111–112] и к началу XIX века еще не оформились в устоявшуюся систему регулярного повышения в чинах. По всей видимости, в этот период помимо выслуги лет приблизить или отдалить момент награждения чином коллежского регистратора могли многие обстоятельства, в том числе занимаемая должность, сословное происхождение, отношение губернского и непосредственного начальства, личные качества служащего и результаты его работы. Не лучшим образом могли сказываться и перемещения канцелярских служащих из одного учреждения в другое. Во второй четверти XIX века ситуация заметно изменилась. После законодательного упорядочения правил чиновпроизводства служащие получили возможность претендовать на регулярное повышение в чинах (по выслуге лет) при условии положительной аттестации. В 1844 году трое канцелярских служащих были старше 40 лет, самому возрастному насчитывался 51 год. Причины неполучения первого классного чина в каждом из этих случаев нашли отражение в послужных списках: двое из них являлись ссыл-

ными поляками (при высылке были разжалованы и поступили на службу в Олонецкой губернии «нижним канцелярским званием»³⁸), а на карьере третьего отразилось нахождение под судом с продолжительным удалением от должности³⁹.

Изучение уровня образования служащих по групповым формулярным спискам осложнено тем, что в первой половине XIX века внесение таких сведений не являлось обязательным. Конечно, в отдельных случаях эта информация находила отражение (главным образом у лиц, посещавших высшие или средние учебные заведения, и без уточнения, удалось ли выдержать полный курс обучения). Так, в групповом формулярном списке за 1803 год образование указано у 26 лиц (или 9,8 % от общего числа служащих): у 2 высшее военное (Морская академия), у 9 среднее военное (кадетские корпуса), у 1 среднее гражданское (главное народное училище) и у 14 среднее духовное (семинарии). В 1826 году посещение учебных заведений отмечено в послужных списках 17 чиновников (или 16,2 %), из которых двое обучались в Московском университете, 14 получили среднее образование: 7 гражданское (гимназии, Санкт-Петербургское коммерческое училище), 5 военное (кадетские корпуса, штурманское училище), 1 духовное (семинария) и 1 низшее техническое (школа для рабочих при Ладожском канале).

После издания указа от 25 июня 1834 года, связавшего скорость приобретения чинов с уровнем образования⁴⁰, в послужные списки стали вносить информацию о высшем и среднем образовании. Однако незаконченное среднее и низшее образование, не оказывавшее влияния на приобретение чинов и замещение должностей, упоминались редко. Так, согласно групповым формулярным спискам, в 1844 году треть от всех олонечских служащих (32,7 %) являлись лицами, посещавшими учебные заведения. Высшее образование было указано у 31 служащего: из них 24 приобрели гражданские специальности (в том числе 11 медиков), 4 – технические и 3 – военные. Среднее образование (в том числе и незаконченное) отмечено в послужных списках 61 служащего: 36 проходили обучение в заведениях Министерства народного просвещения, 14 – в семинариях, 4 – в технических училищах, 7 – в кадетских корпусах. Состав выпускников напрямую отражал развитие сети учебных заведений. Среди них были лица, посещавшие Московский и Санкт-Петербургский университеты, Демидовский и Нежинский лицеи, Медико-хирургические академии, Горный и Морской кадетские корпуса, Артиллерийское училище, Училище гражданских инженеров, Константиновский ме-

жевой институт и т. п. Также в 1844 году у 62 служащих отмечено посещение низших учебных заведений, среди которых значились и училища, занимавшиеся специальной подготовкой писцов (или низших канцелярских служащих) – училища для детей канцелярских служащих (25 служащих⁴¹). В формулярных списках 26 служащих указывалось, что они являлись воспитанниками отделений для приготовления писцов Ярославского и Полтавского приказов общественного призрения. Таким образом, спустя 10 лет после реформирования правил чиновничества и введения преимуществ в соответствии с уровнем образования среди служащих Олонецкой губернии удельный вес лиц с высшим образованием составлял 6,6 %, со средним – 12,9 %, с низшим – 13,2 %, с домашним – 67,3 %.

Таблица 4. Образовательный уровень чиновников Олонецкой губернии в 1850 году

Table 4. Educational level of officials in Olonetsk province in 1850

Уровень образования	чел.	%
Высшее образование (законченное, незаконченное)	44	10,8
Среднее законченное образование	43	10,6
Среднее незаконченное образование	95	23,3
Низшее образование (законченное, незаконченное)	119	29,2
Домашнее образование	106	26,1
Всего	407	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Указом от 16 июля 1849 года была введена новая форма послужного списка, требовавшая внесения информации о том, «где (служащий. – О. П.) получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»⁴². В связи с этим в документах 1850 года содержатся наиболее точные сведения относительно уровня образования. Как видно из табл. 4, высшее образование получили 44 чиновника, из них 33 прошли обучение по гражданским специальностям (в том числе 12 медиков), 8 по техническим и 3 по военным. Законченное среднее образование отмечено у 43 чиновников (19 в заведениях Министерства народного просвещения, 9 – в семинариях, 8 – в технических училищах, 7 – в кадетских корпусах); незаконченное среднее – у 95 (75, 14, 2 и 4 соответственно). В послужных списках 119 чиновников указано посещение низших учебных заведений, в том числе училищ для детей канцелярских служащих (22 служащих), ярославского и полтавского отделений для приготовления писцов (19). Обращает на себя внимание и сословный состав, отражавший правительственную политику, покровительство-

вашую в получении образования детям дворян и чиновников: потомственные дворяне среди лиц с высшим образованием составляли 68,2 %, со средним – 46,5 %, с незаконченным средним – 48,4 %; «обер-офицерские дети» – 9,1, 25,6 и 28,4 %; дети священно- и церковнослужителей – 4,5, 18,6 и 14,8 %; дети приказных служителей – 0,0, 0,0 и 2,1 %; представители прочих социальных групп – 18,2, 9,3 и 6,3 % соответственно.

По сравнению с 1844 годом в послужных списках середины века общее число лиц, указавших посещение учебных заведений, увеличилось в 2 раза, что, конечно, следует связывать не с общим ростом образовательного уровня, а с результатами введения нового формуляра. В таком случае могут ли показатели 1844 и 1850 годов относительно лиц с высшим и средним образованием рассматриваться как сопоставимые? Представляется, что лишь отчасти: с одной стороны, установлено, что с 1834 года такая информация в основном вносилась в послужные списки, но с другой – в материалы учета за 1844 год были включены не только чиновники, но и канцелярские служители, и при этом отсутствовали некоторые учреждения и должности, в частности губернская строительная комиссия и землемеры (в 1840-е годы архитекторы и землемеры, как правило, имели высшее или среднее специальное образование). Кроме того, и среди учреждений, попавших в групповые формулярные списки 1850 года, обнаружены пропущенные должности (которые могли пребывать вакантными либо были заполнены канцелярскими служителями).

В литературе неоднократно подчеркивалось, что во второй четверти XIX века «служебные привилегии» стали «важным средством привлечения молодежи» в учебные заведения, а сокращенные сроки производства в классные чины – стимулом к получению аттестатов⁴³. При этом увеличивалась не только общая численность обучавшихся лиц, но и тех, кому удавалось получить аттестаты о среднем образовании, и тех, кто намеревался продолжить обучение. Материалы по Олонецкой губернии позволили увидеть, что к середине века подавляющее большинство служащих являлись лицами, посещавшими учебные заведения. Конечно, заветные аттестаты имели далеко не все, и выявленные документы отражают то, что четверть служащих с законченным высшим и средним образованием – это были специалисты (медики, землемеры, архитекторы), назначавшиеся на вакантные места в провинцию сразу по окончании обучения. Кроме того, в соответствии с указом от 23 января 1837 года предписывалось

«впредь поступающих вновь на службу молодых людей дворянского происхождения, или имеющих по учебным их аттестатам право на классные чины... не определять прямо в департаменты и канцелярии министерств и отдельных управлений, прежде чем они прослужат, по крайней мере, три года в местах губернских...»⁴⁴.

Однако большинство служащих поступало на службу либо с домашним воспитанием, либо после уездных училищ или нескольких классов гимназии, что было связано в одних случаях с трудным материальным положением семей, не позволявшим оплачивать обучение, а в других – с неуспеваемостью и отсутствием способностей «к продолжению дальнейших наук». В целом эти тенденции просматриваются и на материалах других губерний, с той лишь разницей, что удельный вес лиц с высшим образованием среди олонецких чиновников был выше, а со средним – ниже [6: 150]. По всей видимости, первое следует связывать с введением льгот для лиц, поступавших на службу в Олонецкой губернии (этими преимуществами воспользовался каждый третий чиновник с высшим образованием), а второе – с малочисленностью обучавшихся и проходивших полный курс обучения в местных учебных заведениях (так, в 1847 году в Олонецкой гимназии насчитывалось 88 учащихся, тогда как в Вологодской – 180, в Архангельской – 101 [9: 717]; в период с 1828 по 1850 год полный курс Олонецкой гимназии прошло всего 74 человека, что составляет не более 3–4 выпускников в год⁴⁵).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил увидеть особенности состава олонецкой бюрократии. Они во многом были связаны и с кадровыми проблемами, с которыми столкнулась губерния в первой половине XIX века, и с результатами предпринимаемых правительством мер, направленных на их решение. Невозможность за счет внутренних ресурсов добиться укомплектования местных учреждений вынуждала верховную власть направлять сюда чиновников из центральных учреждений и других губерний, а также вводить преимущества по службе, нацеленные на привлечение кадров. Итоги этой политики проявились в том, что среди служащих уроженцы Олонецкой губернии едва ли составляли большинство. Установлено, что их удельный вес в начале века достигал 56 %, а к середине – сократился до 42 %. Пополнение местных учреждений извне нашло отражение в показателях сословного происхождения служащих: высокий удельный вес представителей потомственного дворянства и потомственных гражданских служащих. Кроме того, крайний недостаток канцелярских служи-

телей вынуждал государство «принимать в канцелярское звание людей податного состояния», а также определять к должностям воспитанников из «особо учрежденных» при приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов, что заметно повлияло на статистические показатели по тем социальным группам, представители которых на гражданской службе, как правило, были малочисленны. Представленные в настоящей статье данные по возрастному составу также напрямую связаны с решением кадровых вопросов в изучаемой губернии: в первой четверти XIX века, когда проблема нехватки служащих ощущалась особенно остро и местный аппарат крайне медленно пополнялся молодыми кадрами, статистические показатели отличались от того, что наблюдалось в других регионах, но во второй четверти XIX века, когда правительству удалось добиться стабильного притока служащих из дру-

гих губерний, динамика возрастного состава олонечких чиновников уже соответствовала общей тенденции – постепенное омоложение, завершившееся в середине века «сменой поколений» служащих. Выявленные в ходе исследования данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки. Предпринимаемые правительством меры, связывавшие образование с чинопроизводством, конечно, повышали заинтересованность лиц, планировавших поступить на государственную службу, в посещении учебных заведений. Однако и к середине века большинство служащих – это были люди, получившие домашнее воспитание или посещавшие низшие учебные заведения (55,3 %), 23,3 % относились к числу тех, кто имел незаконченное среднее образование, и только 21,4 % могли похвастаться аттестатами средних и высших учебных заведений.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. также: Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.; Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 21 с.; Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 28 с.; Павлюк Ю. Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 26 с.; Поскачей Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. 21 с.
- ² Вопросы кадрового обеспечения учреждений Европейского Севера России с 1820 по 1830 год рассматривает В. В. Ефимова [4: 177–288], но, к сожалению, автор не ставит целью проанализировать состав служащих на основе конкретных данных. Проблемы формирования бюрократии северных губерний также затрагивались в исследовании И. В. Савицкого, где представлены отрывочные сведения о составе чиновничества в 1850-е годы (см.: Савицкий И. В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв.: По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 75–89). Анализ численности и состава чиновничества Вологодской губернии в первой половине XIX века представлен в работе автора настоящей статьи (см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 34 с.).
- ³ В региональных архивах формулярные списки первой половины XIX века сохранились довольно плохо, что во многом связано с неудовлетворительной организацией хранения архивных дел в дореволюционное время, а также кампанией «по разбору и уничтожению старых дел», проводившейся в губерниях с 1845 года [3: 95–102].
- ⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.
- ⁵ Известно, что Олонецкая губерния была упразднена при Павле I и восстановлена при Александре I по указу от 9 сентября 1801 года «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам». См.: Полное собрание законов Российской империи: Собрание I (ПСЗ–I). Т. 26. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 20004. С. 775.
- ⁶ Исследование направлено на изучение служащих только учреждений, которые на местах составляли так называемое общее управление. К ним относились органы, подконтрольные министерствам внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ. «Особые установления» на местах, изъятые из ведения губернского начальства, регулирование деятельности которых осуществлялось по линии специальных ведомственных подразделений (учебное, духовное, горное, почтовое, удельное и иные ведомства), рассматри-

- ваться не будут. Всего выявлено и обработано 1249 послужных списков, из них 266 за 1803 год, 105 за 1826, 471 за 1844, 407 за 1850 год. Подробнее о составе и полноте анализируемых групповых формулярных списков см.: [13].
- ⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). О. IV. 71. Описание Олонецкого наместничества 1788 г. Л. 19–20, 27–28.
- ⁸ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год / Под ред. А. Бушена; Предисл. А. Тройницкого. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. С. 267, 276–279, 288–289, 293.
- ⁹ Сравнение этих данных с показателями по соседней, также «недворянской» Вологодской губернии (в 1780-е годы дворяне составляли 0,2 %, в 1850-е – 0,5 %) (см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 51), в которой выборы проводились на регулярной основе в четырех уездах, представляется еще более любопытным. В частности, в 1803 году среди вологодских служащих удельный вес дворянства равнялся 21,3 %, в 1826 – 16,0 %, в 1850 – 17,3 % (см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 63. Л. 1 об.–132; 1826. Д. 129. Л. 1 об.–492; Оп. 5. Д. 224. Л. 1 об.–6; Д. 346. Л. 1 об.–14; Д. 1806. Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. Л. 1 об.–24; Д. 7664. Л. 1 об.–469; Д. 7735. Л. 1 об.–580; Д. 7771. Л. 1 об.–870).
- ¹⁰ Благовещенский И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск: Олонецкая губ. тип., 1907. С. 243–246.
- ¹¹ Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 340.
- ¹² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1807. Д. 26. Л. 1 об.–258; 1826. Д. 113. Л. 1 об.–294; 1844. Д. 470. Ч. 1. Л. 1 об.–276; Ч. 2. Л. 1 об.–449; Ч. 3. Л. 1 об.–308; 1844. Д. 471. Л. 1 об.–170; Оп. 5. Д. 145. Л. 8 об.–418; Д. 149. Л. 13 об.–870; Д. 150. Л. 10 об.–536; Д. 151. Л. 1 об.–229; Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века... С. 338, 340.
- ¹³ Так, в 1850 году в Олонецкой губернии насчитывалось 12 медиков, в том числе 4 уездных лекаря и 3 городских врача; все они имели высшее профильное образование и были направлены в губернию по определению от правительства; вакантными пребывали 3 должности уездных лекарей. Также на службе состояло 16 архитекторов и землемеров, из которых трое являлись местными и не имели специальной подготовки, а 13 получили профильное образование (высшее или среднее) и были направлены в губернию правительством; вакантными были только две должности уездных землемеров. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.
- ¹⁴ Указ от 5 мая 1816 года «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами» // ПСЗ–I. Т. 33. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 26255. С. 637.
- ¹⁵ Так, А. М. Романовский, получивший домашнее воспитание сын протоиерея, начал службу в 1823 году в возрасте 19 лет с низших канцелярских должностей в департаменте Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В течение 12 лет несколько раз сменил место службы, был неоднократно награжден денежным пособием за отличную работу, достиг чина губернского секретаря, а в 1835 году по прошению, ссылаясь на болезнь, уволился. В ноябре 1836 года «по высочайшему повелению» за запрещенную карточную игру был удален из столицы в Олонецкую губернию под надзор полиции. В январе 1837 года губернатор А. В. Дашков через шефа-жандармов А. Х. Бенкендорфа «испросил» у императора разрешение определить Романовского на службу, на что и получил согласие, правда «с сохранением надзора до усмотрения местного начальства» (сохранялся до 1843 года). Подробнее см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6644. Л. 7 об.–18.
- ¹⁶ Ярким примером может служить карьерный путь дворянина, уроженца Пинского уезда Минской губернии, поляка И. Л. Красковского. Закончив Виленский университет со степенью кандидата, в 1830 году он поступил на службу в канцелярию Пружанского земского суда Гродненской губернии. В 1838 году попал под суд по прикосновенности к известному делу эmissара Конарского и выслан в Вологодскую губернию, а в 1839 году, все еще находясь под судом, получил разрешение поступить на службу в Олонецкой губернии: сначала был зачислен канцелярским служителем в уездный суд, а с 1840 года занял должность уездного судьи (в которой пребывал и в середине века). Подробнее см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7951. Л. 119 об.–126.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 51 об.–52, 56 об.–59, 147 об.–150; Ч. 2. Л. 106 об.–109, 188 об.–195, 300 об.–301.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6644. Л. 7 об.–18; Д. 6972. Л. 149 об.–153, 484 об.–489; Д. 7951. Л. 79 об.–81, 119 об.–126.
- ¹⁹ Однако уже в 1827 году вышел указ, повсеместно запретивший принимать на гражданскую службу выходцев из податных состояний. См.: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 31 августа 1826 года «О дозволении присутственным местам Витебской и Олонецкой губерний принимать на службу в канцелярское звание людей податного состояния» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 1. № 570. С. 922–924; Указ от 14 октября 1827 года «О канцелярских служителях гражданского ведомства» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 2. № 1469. С. 895–897).

- ²⁰ Благовещенский И. Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие (1802–1902 гг.) существования // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск: Губ. тип., 1902. С. 192–193.
- ²¹ В послужных списках за 1844 год из 34 служащих только у 7 точно сформулировано сословное происхождение (4 дворянина, 2 из «обер-офицерских» детей, 1 из приказнослужительских детей), а у 27 оно определено как «воспитанник»; за 1850 год из 23 служащих четверо являлись дворянами, один из «обер-офицерских» детей, один из незаконнорожденных и 17 «воспитанников».
- ²² Положение Комитета министров от 16 января 1826 года «О правилах при определении воспитанников приказа общественного призрения в гражданскую службу» // ПСЗ–II. Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 64. С. 93.
- ²³ Мнение Государственного совета от 31 октября 1828 года «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей» // ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 2394. С. 959.
- ²⁴ Указ от 30 марта 1832 года «Об определении на службу чиновников по гражданской части в Кавказской области, Грузии, закавказских провинциях, Сибири и Олонецкой губернии» // ПСЗ–II. Т. 7. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1833. № 5267. С. 179.
- ²⁵ «Положение о преимуществах службы в губерниях и областях сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских» от 26 мая 1835 года // ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1836. № 8164. С. 639–641.
- ²⁶ Указ от 29 апреля 1839 года «О преимуществах чиновникам, отправляющимся на службу в Оренбургскую, Архангельскую, Олонецкую и Вятскую губернии» // ПСЗ–II. Т. 14. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1840. № 12281. С. 388.
- ²⁷ «Положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи» от 9 июня 1842 года // ПСЗ–II. Т. 17. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1843. № 15731. С. 438–443.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.
- ³⁰ Указ от 29 апреля 1840 года «О распространении на кандидатов Комитета 18 августа 1814 года правила о выдаче двойных прогонов и годового жалования чиновникам, отправляющимся на службу в Олонецкую, Оренбургскую, Архангельскую и Вятскую губернии» // ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1841. № 13424. С. 311–312.
- ³¹ Для таких служащих, как медики, землемеры, некласные художники и т. п., издавались «особые положения», устанавливавшие льготы при направлении на службу в отдаленные края империи. См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [В 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1842. С. 220–221.
- ³² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314.
- ³³ Так, в Вологодской губернии в 1806 году в возрасте от 21 до 30 лет было 25,6 % чиновников, от 31 до 40 – 29,4 %, от 41 до 50 – 30,3 %; в 1826 – 43,2 %, 33,3 %, 10,6 % соответственно. См.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века... С. 348.
- ³⁴ К примеру, в Вологодской губернии в 1844 году в возрасте от 21 до 30 лет было 30,6 % чиновников, от 31 до 40 – 30,3 %, от 41 до 50 – 23,6 %; в 1850 – 40,4 %, 29,1 % и 17,6 % соответственно. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 224. Л. 1 об.–6; Д. 346. Л. 1 об.–14; Д. 1806. Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. Л. 1 об.–24; Д. 7664. Л. 1 об.–469; Д. 7735. Л. 1 об.–580; Д. 7771. Л. 1 об.–870; Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века... С. 348.
- ³⁵ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [В 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1842. С. 5.
- ³⁶ «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года // ПСЗ–II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1835. № 7224. С. 656–665.
- ³⁷ Так, 63-летний П. П. Шапошников, происходивший «из церковнослужительских детей», начал карьеру в 1759 году в должности копииста Новгородской консистории, с 1774 года переведен на место подканцеляриста в губернскую канцелярию. В 1776 году направлен в Олонецкую область и назначен канцеляристом в Вытегорскую воеводскую канцелярию, с 1790 года занимал должность губернского регистратора в Вытегорском уездном казначействе, а затем – в этом же году – перемещен бухгалтером в Крестецкое уездное казначейство. В 1797 году в результате административных преобразований на Европейском Севере и последовавших сокращений штатных мест остался не у дел. В 1801 году был принят на «копейскую ваканцию» в Вытегорское уездное казначейство. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 139 об.–140.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 56 об.–59; Ч. 2. Л. 300 об.–301.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 2. Л. 136 об.–139.
- ⁴⁰ «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года // ПСЗ–II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1835. № 7224. С. 656–665.
- ⁴¹ Известно, что Олонецкое училище для детей канцелярских служителей функционировало в Петрозаводске с 1830 года [9: 260–261]. См.: Мнение Государственного совета от 31 октября 1828 года «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей» // ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 2394. С. 960.

- ⁴² Указ «О форме послужного списка для гражданских лиц» от 16 июля 1849 года // ПСЗ–II. Т. 24. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1850. № 23401. Штаты и таблицы. С. 160.
- ⁴³ Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Гос. типография, 1902. С. 200–201; Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год / Сост. А. Воронов. СПб.: Тип. Якова Трея, 1854. С. 9–10, 120.
- ⁴⁴ Указ «О поступлении в службу молодых людей из дворян» от 23 января 1837 года // ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1838. № 9 894. С. 58–59.
- ⁴⁵ Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год... С. 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутвило А. И., Ефимова В. В. История государственного управления в Карелии: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 109 с.
2. Дятлов В. А. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 601–604.
3. Виноградова Т. В. Деятельность комиссии по разбору архивных дел Олонецкого губернского правления в контексте проблем ведомственного хранения документов в первой половине XIX в. // Дело-производство. 2004. № 1. С. 95–102.
4. Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 832 с.
5. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с.
6. Иванов В. А. Образовательный уровень местного российского чиновничества в середине XIX в. (по материалам Московской, Калужской и Тверской губерний) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. Ч. 1. С. 149–156.
7. Иванов В. А. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм. 2009. № 1 (53). С. 79–92.
8. Иванов В. А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 1 (56). Вып. 9. С. 73–79.
9. Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
10. Мельникова И. Г. Чиновничество губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX века // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 7 (62). Вып. 10. С. 136–142.
11. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
12. Плех О. А. Привлечение кадров на службу в российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера) // История федерализма в России. К 100-летию образования автономной Башкирской республики: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 2 нояб. 2018 г. / Отв. ред. Н. С. Мысляева. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 131–142.
13. Плех О. А. Численность служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 218–230.
14. Савицкий И. В. «Свои» и «чужие» среди чиновничества Олонецкой губернии XIX века // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы X Междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 16–17 марта 2015 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 190–192.
15. Токмакова Ю. Н., Авилова Н. Л. Социальный состав, возраст и религиозная принадлежность чиновников Курской губернии в 1801–1861 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37). С. 179–185.

Поступила в редакцию 07.10.2019

Olesya A. Plekh, PhD in History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
plekh@mail.ru

STAFF COMPOSITION OF CIVIL SERVICE INSTITUTIONS IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY*

The research deals with the problems of staffing local civil service institutions in the Olonets province during the first half of XIX century. Using the systematic civil servants' records (staff lists), the author for the first time analyzed the staff structure by social class, age and education level. The resulting characteristics illustrated the civil service personnel problems which the province faced during this period and the results of the measures taken by the authorities in order to

solve them. The obtained statistical data reflected the specific characteristics of the government policy aimed at forming the social base of Olonets bureaucracy. It was established that during the studied period local institutions were not sufficiently staffed, and about half of the Olonets province local government apparatus were non-residents, who came from other places. A practice of hiring people from other regions, service benefits, filling civil service positions with those who paid the capitation tax – all these factors influenced the structure of bureaucracy. The analysis of the social class origin of the local officials revealed a high proportion of nobility, hereditary civil servants, and people who paid the capitation tax. Data on the age composition of the civil service workforce during the first quarter of the XIX century shows the understaffing of local establishments and slow enrollment of young employees, while the similar data for the second half of the same century, on the contrary, demonstrated the inflow of employees from other provinces and gradual rejuvenation of workforce in the middle of the century, which resulted in the “generation change”. Data on education indicate the overall low level of professional training and qualification. Although the government measures encouraged potential civil servants to obtain certificates issued by educational institutions, most of them had very basic education or were homeschooled.

Keywords: personnel, bureaucracy, local government, civil service, staff lists, social class origin, age composition, level of education, Olonets province

* The article was supported by the Russian presidential grant for young Russian scientist (project No MK-11194.2018.6).

Cite this article as: Plekh O. A. Staff composition of civil service institutions in the Olonets province during the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450

REFERENCES

1. Butvilo A. I., Efimova V. V. History of public administration in the Republic of Karelia: Textbook. Petrozavodsk, 2005. 109 p. (In Russ.)
2. Dyatlov V. A. Features of bureaucracy social status in the Russian Empire during the first half of the XIX century (using the example of the Penza and Saratov provinces). *Proceedings of PSPU named after V. G. Belinsky*. 2012. No 27. P. 601–604. (In Russ.)
3. Vinogradova T. V. Activities of the commission for the analysis of archival files of the Olonets province government in the context of problems with departmental storage of documents during the first half of the XIX century. *Deloproizvodstvo*. 2004. No 1. P. 95–102. (In Russ.)
4. Efimova V. V. Governors-General of the European North: their place and role in the system of state power and administration of the Russian Empire (1820–1830). St. Petersburg, 2019. 832 p. (In Russ.)
5. Ivanov V. A. Provincial bureaucracy of the 1850s and the 1860s in Russia (using materials from the Moscow and Kaluga provinces). Historical and source studies essays. Kaluga, 1994. 229 p. (In Russ.)
6. Ivanov V. A. Educational level of Russian local officials in the middle of the XIX century (using the materials from the Moscow, Kaluga and Tver provinces). *Prepodavatel' XXI vek*. 2009. No 3. Part 1. P. 149–156. (In Russ.)
7. Ivanov V. A. Social portrait of local bureaucracy in Russia in the middle of the XIX century. *Federalism*. 2009. No 1 (53). P. 79–92. (In Russ.)
8. Ivanov V. A. Social composition of the local level of administration in Russia in the middle of the XIX century as a reflection of the government policy in the field of bureaucracy formation. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "History. Political science. Economics. Informatics"*. 2009. No 1 (56). Issue 9. P. 73–79. (In Russ.)
9. Kalinina E. A. System of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century. Moscow, 2017. 736 p. (In Russ.)
10. Mel'nikova I. G. Officialdom of the Upper Volga provinces in the first quarter of the XIX century. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "History. Political science. Economics. Informatics"*. 2009. No 7 (62). Issue 10. P. 136–142. (In Russ.)
11. Pissar'kova L. F. State administration in Russia during the first third of the XIX century: formation of a ministerial system. Moscow, 2019. 416 p. (In Russ.)
12. Plekh O. A. Attracting officials to serve in the Russian province in the first half of the XIX century (using the materials from the European North). *The History of Federalism in Russia. The 100th Anniversary of the Formation of the Bashkir Autonomous Republic. Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference*. Sterlitamak, 2018. P. 131–142. (In Russ.)
13. Plekh O. A. The number of officials in the Olonets province during the first half of the XIX century. *Nordic and Baltic Studies Review*. Issue 4. Petrozavodsk, 2019. P. 218–230. (In Russ.)
14. Savitskiy I. V. “Ours” and “theirs” among the officials of the Olonets province in the XIX century. “Own” and “Alien” in Culture. *Proceedings of the X International Research Conference (Petrozavodsk, March 16–17, 2015)*. Petrozavodsk, 2015. P. 190–192. (In Russ.)
15. Tokmakova Yu. N., Avilova N. L. Social composition, age and religious affiliation of officials of the Kursk province between 1801 and 1861. *Proceedings of the South-West State University*. 2011. No 4 (37). P. 179–185. (In Russ.)

Received: 7 October, 2019